

Souvenirs

Жизнь бесконечна, сроки наши кратки.
Как ни крутись, но на исходе дня
Одни воспоминания в остатке—
Единственная собственность моя.

Металл, что ни мехов, ни ожерелий,
Ни хлеба, ни лекарств и ни воды,
Ни табака, ни крыши, ни постели
Не купит. Не укроет от беды.

От лести вялой, дружеских наветов,
Навязанных и вожделенных пут,
От яркой тьмы, зияющего света
Вспоминанья, к счастью, не спасут.

Вдову не обнадёжат, гор не сдвинут,
Старения не знают и конца,
Зато, подобно драгоценным винам,
В цене растут по дням и по сердцам.

Судьба зывала шёпотом, набатом,
Но глух и слеп был к истинам благим:
Лишь тем богат, что раздарил когда-то,
И жив, покуда памятен другим.

Жарой февральской, августом морозным,
Через мечты, эпохи и моря
Вспоминанья, как любовь и воздух,—
Единственная собственность моя.

Мы плакали

На реках Вавилонских...

Растает суета, как воды вешние...
Мне столько зим, что видятся во снах
Родни моей стенанья безутешные
На тех, на вавилонских, берегах.

Молиться и мечтать мы были избраны,
Но обернулась бойней благодать,
И из Толедо, как из рая, изгнаны
В иных краях убежища искать.

То верую ведóмы, то погромами,
К земле нас гнули, мы тянулись ввысь,
Германскими и польскими просторами
До матери-России доплелись.

С ней столько было прожито и пройдено,
Но на изломе судеб, мест, времён
Швейцарский санаторий нынче родина,
Питание, покой и сладкий сон.

Жизнь—крестный путь от будущего к прежнему.
Не потому ль являются во снах
Младые слёзы, звонкие надеждами,
На розовых московских берегах?

Младые слёзы, звонкие надеждами,
На тех, на вавилонских, берегах.

Казино

Полдня ушло, как будто бы полжизни,
Как полтысячелетия в песок,
Их замыслам, делам, триумфам, тризнам
Ни места не нашлось, не вышел срок.

По счастью, есть в запасе и другая
От жизни долька радостей и бед,
Куда б ни заносила нас лихая
Фортуна, обгоняя тьму и свет.

По счастью, есть чудесное мгновенье,
Чтоб камни разбросать, едва собрав,
Сбивать мозоли, наслаждаться ленью
И сомневаться, если трижды прав.

И, разойдясь, судьбу пустить на ветер,
И выстоять в жестоковыйный час,
Когда одним щелчком взрослеют дети,
Чтоб дальше полететь уже без нас.

А нам вступать в итоговую фазу,
Где снится на покое вечный бой,
И счастье, по философов наказу,
Хотя б немного разбавлять бедой.

И падать, и вставать, смеясь и плача,
И дальше жить, ладонь храня на лбу,
Как в казино, где каждый неудачник
Переломить надеется судьбу.

Чушь

Кого я призову в последний миг
Счета сводить иль попросту обняться?
Потухла рампа, гул подмостков стих,
И я схожу со сцены, чтоб остаться.

Останутся семья, друзья, враги,
Ученики, плоды трудов научных
И, если повезёт, две-три строки,
Естественно, совсем не самых лучших.

Но пропадут: влюблённость школьных лет
И липкий страх шпаную быть избитым,
Мехмата мгу отцовский свет,
Разборки у семейного корыта,

Сестры потеря, вслед за ней — отца,
Детей приход, читателей признание,
И опыт горький, как вода с лица,
И с Родиной, как с юностью, прощанье,

И этот сплав судьбы, воды, огня,
И страсти эмигрантской одиссеи,
Другая жизнь, семья и колея,
Другие годы, что бегут быстрее.

Всё сгинет: что нахапал, что раздал,
Что заработал, получил как милость,
И та слепая ночь, глаза в глаза,—
Всё то, что описать не получилось.

Ах, если б к детям пара строк моих
Проникла чудом в уши, в души, в двери!..
И даже к старшим, от подруг былых...
Такая чушь, но как приятно верить.

Незавещное

Спасибо, жизнь, за всё: за эту старость,
Где книги, звёзды и заросший сад,
И память обо всём, что мне осталось,—
Январский зной, июльский снегопад;

За завтра, где смышлён, хотя и молод,
И дням счастливым не видать конца,
И дети юны и послушны снова,
Внимая знаку каждому отца;

За прошлое поклон, за эту милость
Слова ценить не меньше, чем дела,
За ту любовь, что, к счастью, не случилась,
За ту, что прямо к счастью привела;

За радость, что с бедой делила ложе,
За строки, что витали между строк,
За лишний день, что, всех былых дороже,
Фортуною подкинут на порог;

За миг, что растянулся на два века,
За жи балзам и откровений яд.
Там явь как сон. Там ночь, фонарь, аптека.
Там книги, звёзды и заросший сад.

Экзистенциализм

Мы философии учились не за книжками,
За всё брались, пускай ни в зуб ногой.
Усоил через синяки и шишки я,
Что не Господь судья нам, а Другой.

Что, как у Сартра мраморно изложено,
Мы есть, когда Другой на нас глядит,—
Костями ложимся, и душой, и кожей,
Гордыню ощущая, страх и стыд.

Тасует Время встречи с расставаньями,
И каждый день — хвалим, гоним, любим,—
Как первоклассник, с сердца замиранием
Оценки жду, поставленной Другим.

Ах, этот взгляд-рентген, эфирный, каменный,
Кто Вы, Другой,— чужак ли, недруг, брат?
Хранитель мой, Фортуною поставленный?
Мой Чёрный Человек, мой рай и ад?

Жил, к лишнему стремясь и нужным жертвуя,
К вершине шёл ведущей вниз тропой
И подражал Другому столь усердно я,
Что есть надежда даже стать собой.

Забер

Вот так, не ценим и не поняв детьми
И миром (враги — исключение),
Листаю придирчиво годы свои
С большим неудовлетворением.

Мои современники с первого дня
С удачей дружны и с победами,
По полной программе они (без меня)
Признание и счастье отведали.

Я рвался из кожи, из жил, из оков,
За ними стремясь, преуспевшими,
Нажив в результате и тьму синяков,
И зависть, давно потемневшую.

Года нанесли слой культурный морщин,
Я брёл колеи своей пленником —
И вдруг осознал, что в забеге один,
Сошли уж давно современники.

Как сладко шагать на своих на двоих,
Поняв, что не понято многое,
Что первый, поскольку последний в живых,
Хотя неизвестно, надолго ли.

Тщеславия крылья возносят ко дну
Сквозь хохот и шиканье зрителей.
Потерь не считаю, одно на кону —
Подольше побыть победителем.

И, жизнь, словно пьесу, играя с листа,
Хмельным от росинки от маковой
Сизифом карабкаться на пьедестал
По лестнице лунной Иакова.